

Александр ХАБАРОВ

Из жизни ангелов

Ты мне досталась по ленд-лизу
Во время Третьей мировой.
Ты помнишь, шёл я по карнизу
Над обожжённой мостовой,
А ты летела в платье белом,
Разбив оконце чердака,
Но овладела смертным телом
Моя бессмертная рука.
И ты, стремившаяся к тверди,
Как в небеса стремится дым,
Вдруг убоялась дерзкой смерти
Под обаянием моим.

Внизу, под марш артиллериста,
Шагали пыльные полки,
Но я не выпустил батиста
Из окровавленной руки.
Держал тебя, как держат птицу,
Жалея хрупкие крыла,
Пока смещался за границу
Жестокий фронт добра и зла.
Мы полетели над закатом,
Над стольным городом руин;
Ты помахала вслед солдатам,
Но обернулся лишь один.

В железном визге артобстрела,
Ломая стебли камышей,
Я нёс тебя, как носят тело
Из грязи вражеских траншей.
В тот миг все люди были братья,
Весь мир казался неземным,
Когда сплелись твои объятия
Над одиночеством моим.
И словно из морей на сушу,
Как из сраженья в лазарет,
Я нёс тебя, как носят душу
За облака, где смерти нет.

Там

На тебе свитерок из мглы,
а глаза — поточней зеркал.
Нет достойней, чем ты, хулы
на земной голубой овал.

Носишь шапку из чёрных мхов,
пьёшь вино из зелёных рек
и ссыпаешь труху стихов
в колбы пыльных библиотек.

Там, где время семи сортов,
где змеинный повис клубок
перекошенных правдой ртов,
передушенных ложью строк;

там, где нет на тебе лица
под личиной папье-маше,
там, где ясным лицом лежца
отмеряют покой душе;

там, где мало овечьих благ,
но достаточно волчьих злоб,
там, где смерть — предпоследний шаг,
там, где жизнь — золотой озноб;

там, где ночь хороша внутри,
а снаружи — такая дрянь!
там, где пахнет золой зари
на окошке твоём герань;

Родился в Севастополе. Автор четырёх книг стихов, двух романов и трёх публицистических бестселлеров. Лауреат литературных премий, в том числе Всероссийской премии им. Н. Заболоцкого и Общественной Горьковской литературной премии, трижды лауреат премии журнала «Москва» за лучшую поэтическую публикацию.

«Там, где время семи сортов...»

там, где мать не проспит забот,
а жена — не уснёт век;
там... где небо готовит брод
для таких же, как ты, калек.

Ты и я

Светлане

Мы познакомились в котельной,
где я служил как истопник,
и труд мой был почти бесцельный —
к такому я давно привык...

Я кланялся своим лопатам,
крепил выносливость углём
и сочинял отборным матом
стихи о будущем своём.

А ты, без жалости и страха,
вошла в мой мир углей и грёз,
как комсомолка в штаб гестапо,
как дочь кулацкая в колхоз.

Ни недостатка, ни излишка
в тебе не видел я ничуть.
Твоя мальчишеская стрижка
легко склонилась мне на грудь.

Мои стихи тебя пленили,
сковали, бедную, навек.
Вот так с тобою поступили
один поэт и человек.

Имена

Завесы разошлись от крика,
К стакану тянется рука.
Прощай, Россия-Ангелика,
Мария-Родина — пока!

Под дребезжанье фортепьяно
Сдвигаем стулья для гостей;
Не унывай, Москва-Татьяна,
Узнаешь всё из новостей.

Какой развод без карабина,
Какая свадьба без стрельбы?
Прощай, Марина-Украина,
Трещите, гордые чубы...

Звеним, как выбитые стёкла,
Нас не слышать издалика;
Не забывай нас, Волга-Фёкла,
Поплачь, Алёнушка-Ока...

Крепчает бормота-цикута
На доньшках немых чаш;
Поставь свечу, Сибирь-Анюта,
За образ уходящий наш.

Я сын Советского Союза
А мать моя — Надежда-Русь...
Прости за всё, Светлана-муза,
Я обязательно вернусь.

Пускай испита жизни чаша,
Судьба бела, как черновик...
Живи, поэзия-Наташа,
Тебя не вычеркнут из книг.

Еще далёко до рассвета,
А нам — по краешку ползти...
Прощай, страна-Елизавета,
Мария-Родина, прости...

Брак по расчёту

Ссудил мне женщину Господь,
И стала мне — жена.
Теперь у нас одина плоть,
Душа у нас одна.

Теперь у входа в клуб иной,
На стражей погляжу...

«Вот эта женщина — со мной...» —
Надменно процежу.

Быть может, на исходе дня,
В конце путей земных,
Она попросит за меня
У стражников иных...

Белая рубашка

Зачем, скажи, мне белая рубашка?
В таких идут на смерть, отринув страх;
В таких рубашках, брат, играют Баха,
А не сидят за картами в Крестах.

Пора менять свободное обличье
На чёрный чай, на сигаретный дым,
Пора сдирать овечьё, резать птичье,
Пора обзаводиться золотым.

Пора точить стальное втихомолку —
Под скрип зубов,
под крики из ночей.
Пора отдать без спора волчье — волку,
А человечье — своре сволочей.

Пора искать надёжную дорогу
Туда, на волю —

Родиной, сиречь...

Пора отдать вон то, святое, Богу,
А это, в пятнах, — незаметно сжечь.

Пора идти, не предаваясь страху,
На острый взгляд и на тупой оскал;
Ведь для чего-то белую рубашку
Я в этом чёрном мире отыскал?

Путь железный

Марине Музыко

Луна в окошке мутном,
Чаёк в стакане синем.
Легко в вагоне углом
Нырять в волнах России.

То проводница плачет,
То тётя режет сало,
То дядя с полки скачет —
Ему стакана мало.

Дрожу под одеялом,
Как бабочка в пробирке.
Прохладно за Уралом,
Зато тепло — в Бутырке.

А мимо — звёзды, звоны,
Гудки товарных, скорых.
Вон там, за лесом, — зоны
И хариус в озёрах...

Вагон-то наш купейный,
И путь-то наш — железный.
Летим во тьме кофейной
Над Родиной, над бездной.

Пятьсот весёлый поезд,
В котором плохо спится.
Уже не мучит совесть,
Но плачет проводница.

Чего ей так неймётся,
Чего ей надо, бедной?
Чего ей не поётся
Над Родиной, над бездной?

Ведь так стучат колёса!
Мелькают километры,
Свистят, летя с откоса,
Таинственные ветры!

Не плачь, душа родная,
Вернётся твой любезный.
Споёте с ним, рыдая,
Над Родиной, над бездной.

Добавил дядя триста,
И тётя полстакана —
За ночь, за машиниста,
За Таню, за Ивана...

И я хлебнул того же
За ночь, где проводница
Всё плачет, святой Боже,
Как раненая птица;

За поезд наш нескорый,
За Родину над бездной,
За узкий путь, который
Воистину железный...

Из жизни певцов

Мой голос тих в пучине ора,
Среди поющих —
хрипловат...
Недавно выгнали из хора,
Я снова в чём-то виноват.

Недотянул какой-то ноты,
Когда «бродяга в лодку сел»...
Но я же плакал,

идиоты!

Я плакал — значит,
тоже пел.

Но умолкают лицемеры
Когда, войдя в недетский раж,
Ору я в храме «Символ веры»,
Хриплю, сбиваясь,
«Отче наш»...

И подходя к известной Чаше,
Я смутно думаю о том,
Что не нужны мне песни ваши,
Их не поют перед Судом.

Но я и там молчать не стану,
Не зря прошёл и Крым и рым,
«Прости мя, Отче!» —
громко гряну
Охрипшим шёпотом своим...

Свободы!

Не хочу — так и Бог не поможет!
Век не прожит, а вечно гложет,
и бумага от правды бела.
Я и сам ей обсыпан,

как мельник,
но молчу, безъязыкий отшельник
над холодной равниной стола.

Это что же? Болезнь или скука?
Все заходят, без слова, без стука,
накурили,

украли и прочь...

А вокруг — тишина из гранита,
и в постели твоей, неприкрыта,
чья-то падшая пьяная дочь.

А за стенами — стоны и храпы,
тянет сон свои липкие лапы
и, смеясь, задувает глаза.
Все отваги охвачены дрожью.
Все бумаги оплачены ложью,
и в камине трещат образа.

Мы захватаны, словно страницы,
нас читали от каждой ресницы
до следов на проклятой земле.
И под мутным стеклом небосвода,
позабыв, что такое свобода,
мы горды тайниками в столе.

И себе, как другому сословью,
задолжали слезами и кровью
и, губами едва шевеля,
что-то силимся вспомнить из песен...
А за окнами снежная плесень,
полуправда шута-февраля.